

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Дьяков

"ТИХАЯ" ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ
повесть

Виктор Елисеевич Дьяков

«Тихая» дачная жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42630126

SelfPub; 2019

Аннотация

Бывший майор спецназа Алексей Сурин и бывший боевик Исмаил живут в Москве. Сурин косвенно причастен к гибели семьи Исмаила. Брат погибшей жены Исмаила Ваха требует от него помощи в совершении кровной мести. Исмаил не хочет мстить, но вынужден помогать. Ваха вынашивает план похищения семьи Сурина, отдыхающей на даче. Исмаил находит способ предупредить об опасности Сурина и исчезает. Главные события повести происходят на фоне дачной жизни семьи бывшего майора. А может быть, главные события именно внутрисемейные коллизии, а детектив – всего лишь антураж взаимоотношений мужа и жены, родителей и детей, семейных сцен? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	11
3	20
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1

Кто из нормальных людей не мечтает о семейном счастье? Конечно, каждый вкладывает в это понятие своё, личное, но есть что-то и общее, обязательное. Прежде всего, это любящие друг-друга супруги, дети, родители обожают детей, те – родителей. Но частенько случается и так: всё в наличии и взаимная любовь, и дети, а счастья, того самого семейного, тихого, обыкновенного, нет как нет. То денег постоянно недостаёт, то ещё чего. Много, ох как много составляющих имеет это самое понятие, семейное счастье, и если отсутствует та, или иная...

У майора Алексея Сурина, казалось, с девяносто шестого года в его семейной жизни, наконец, всё окончательно наладилось. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Этим несчастьем явились хасавьюртовские соглашения. Тогда генерал Лебедь с гордым видом подписал, так называемый, мир с чеченцами, а президент Ельцин чуть позже так же гордо "поцеловал в зад" Масхадова, выполнив его настоятельную просьбу, прилюдно заявив, что закончилась четырёхсотлетняя война Чечни с Россией. Президент то ли не знал, то ли не хотел знать, что по этому "миру" чеченцам отдаются на поругание и левый берег Терека с казачьими станицами, и сотни тысяч русских в Грозном... мужчин

для беспрепятственного перерезания горла, женщин для индивидуальных и групповых изнасилований. Ничего это не хотел знать президент, он думал, что если "поцеловал" кавказский зад, то те это оценят, возрадуются, угомонятся... Большое это несчастье для России, президент умудрившийся, прожив больше шестидесяти лет, не иметь понятия о кавказской ментальности, равнодушный ко всему, кроме власти и горячо любимой семьи. Впрочем, однажды в русской истории уже был такой правитель, монарх равнодушный к народу и нежно любящий семью. Тогда это кончилось катастрофой... и для народа, и для семьи.

Майор Сурин, командир батальона армейского спецназа, в отличие от Ельцина кавказскую ментальность знал отлично, хоть исполнилось ему в девяносто шестом всего тридцать пять. Всё это: Хасавьюрт, заявление президента... глаза русских девочек в левобережных станицах, он спокойно перенести не мог. Ему стало стыдно служить под началом такого верховного главнокомандующего. Он написал рапорт... написал, даже не дождавшись отправления его уже почти готового представления на подполковника. Слава Богу, благодаря службе на Севере, двадцать лет общей выслуги у него уже имелось. Друзья помогли, устроили ему увольнение по сокращению. Так Сурин, отбухав восемнадцать лет "календаря" в погонах, вновь оказался гражданским человеком.

Лена, жена, конечно, с радостью встретила изменения сво-

его статуса "офицерши". Ведь теперь муж уже не станет мотаться по этим смертельно опасным командировкам в "горячие точки". Дети, девятилетний Антон, как и положено мальчишке не очень обрадовался, что отец уже не "батяня-комбат", дочь Иринка... ну той вообще было семь лет, только в школу пошла. Но тут началось... Квартиру в военном городке пришлось сдать и ехать жить теперь предстояло к месту, откуда Сурин был призван, то есть на родину. А родина у Сурина такая неперспективная, нечернозёмная тьму-таракань, что ехать туда не имело никакого смысла, ибо поселиться пришлось бы в маленьком домике, где доживали свой нищий век родители, да ещё младшая сестра со своей семьёй. А так как в том городишке и в советские времена почти никакого строительства ни велось, то в постсоветские и подавно военному пенсионеру получить свою квартиру не представлялось никакой возможности. Куда податься, что делать? Оставалось ехать к матери жены, в довольно большой город, областной центр. Но это означало, что жить Сурину предстояло с тещей, и жить долго, так как там, такие как он получали квартиры не ранее чем через десять лет после постановки на очередь. Тем не менее, Лена уговорила его поехать к её маме. Она-то к маме, а он?

Наверное, семейная жизнь Сурина дала бы трещину, если бы он смирился с судьбой, остался в тесной тещиной квартирёшке и устроился работать куда-нибудь на две-три тысячи в месяц – более высокооплачиваемой работы в этом, став-

шем в постсоветское время очень бедном городе практически не было. Но Сурин не смирился. Оставив семью у тёщи, он ринулся в Москву, понимая, что с учётом его жизненного опыта только там можно найти достаточно высокооплачиваемую работу. Нельзя сказать, что он ехал на угад. В Москве в охранных структурах уже работали его бывшие сослуживцы, с которыми его связывала старая дружба. С их помощью он тоже устроился, но рядовым охранником проработал сравнительно недолго. Случилось то, на что он втихаря надеялся, случилось чудо – ему неожиданно крупно повезло. Однажды в офис, где на вахте дежурил Сурин, прикатила группа бизнесменов для подписания какого-то договора.

Лёшка... Сурок?! – один из бизнесменов, лощёный, в клубном костюме, раскинув руки шёл к нему.

Это оказался однокашник Сурина по военному училищу, москвич, уже давно уволившийся из армии. Юношеско-казарменная дружба она обычно бывает бескорыстной, крепкой. Старый товарищ замолвил слово перед руководством своей фирмы, где являлся не последним человеком, отрекомендовал как боевого офицера, прошедшего Чечню... Таким образом, Сурин стал сначала заместителем начальника охраны довольно крупной, преуспевающей фирмы, а потом и начальником с окладом двадцать тысяч рублей, со служебной квартирой, которую можно было выкупить в собственность в рассрочку.

Так неожиданно-негаданно Сурины стали москвичами, причём москвичами не последними. Переехав в столицу, Лена где-то с полгода не могла прийти в себя от вдруг свалившегося счастья, даже обычное занятие всякой жены "попилить" мужа почти забыла. Но потом обжилась, привыкла, посмотрела, как люди живут... и стала "доставать" супруга. Дескать, Москва это хорошо, но ведь летом надо как "все люди" куда-то выезжать. За границу, по этим дешёвым Анталям и Хургадам, да ещё с детьми Лена была ездить не охотница – за время службы мужа в Средней Азии и так на всех этих "чурок" насмотрелась. По тем же причинам опасалась и черноморского побережья Кавказа. Дорогие западные курорты им пока не по карману. Другое дело дача, или загородный дом. А тут ещё получилась так, что у Лены появилась возможность не работать, целиком сосредоточится на доме и детях. Тот самый друг и, главное, генеральный директор фирмы довольные рвением своего нового начальника охраны... в общем, они позволили Сурину устроить жену в фирму в качестве "мёртвой души". Это была привилегия для особо приближённых. Такими "душами" в штате фирмы числились собственная жена генерального, дочь главбуха, тёща первого зама... То есть, все эти бабы на работу не ходили, но получали символическую зарплату. Хоть то и мизерные деньги, но данный фортель позволял на всякий случай набирать им рабочий стаж, не отходя от домашней плиты. Так же набирала его теперь и Лена, дипломированный фармацевт. Ох,

как Сурин был благодарен и другу и генеральному, и готов был за это... Впрочем, от него ничего сверхъестественного не требовали – в общем, живи да радуйся.

Потому, когда в девяносто девятом вновь разгорелся пожар в Чечне, у него даже не возникло желания... Впрочем, нечто вроде угрызения совести он испытал, когда сидя в удобном кресле смотрел по широкоэкранному "Филипсу" репортажи с хорошо ему знакомых мест боёв:

– Эх, ребят на бойню погнали, а потом вновь какой-нибудь Хасавьорт...

– А ты туда случайно не замыслил податься? – с тревогой и угрозой в голосе спросила Лена, расположившаяся рядом. За два года в Москве она раздобрела, округлилась. От хорошей жизни бабы обычно, как бы размягчаются. Лена размякла телом, но не характером и очень боялась потерять невесть как свалившиеся на них достаток и спокойствие – слишком уж дёрганными, тревожными и непредсказуемыми оказались все предыдущие годы семейной жизни.

– Да ну что ты, мы ж ещё за эту квартиру не расплатились. Не, я к фирме сейчас как цепями привязан. А туда, нет, хватит, навоевался, – со вздохом ответил Сурин и тут же улыбнувшись, пропел, – Для своей для милушки, чуток оставлю силушки, – он привлёк к себе облачённую в один халат Лену и стал её щекотать в известном ему "слабом" месте под мышкой.

Лена отбила атаку, кивнув на дверь в комнату сына, где тот долбил уроки:

– Ну, ты что... Антошка услышит...

Загородный домик они купили довольно далеко от Москвы, в посёлке сельского типа, заплатив сто тысяч рублей. Сурин не ожидал, что в ближнем Подмосковье цены просто ломовые, а здесь в ста километрах от кольцевой они сторговали относительно крепкий дом, к нему же ещё один маленький летний гостевой, и довольно просторную баню с отдельными моечным отделением и парной. Далековато конечно, на машине не наездишься, зато железная дорога, станция рядом. Минус, что в электричке долго париться. Но разве это в тягость людям не избалованным хорошей жизнью? Таким образом, теперь летом Лена и дети два месяца почти безвылазно сидели там, вкушали экологически чистые продукты, дышали воздухом, а Сурин, если не удавалось уйти в отпуск, приезжал к ним на выходные...

2

В эти выходные, с субботы на воскресенье Сурин был вынужден подменить заболевшего штатного начальника караула. Потому он договорился с руководством и взял выходной заранее, в пятницу. Звонить жене за город на её сотовый он не стал, желая приехать неожиданно, сделать сюрприз и таким образом немного "подсладить пилюлю" – его отсутствие в выходные.

С утра пятницы Сурин заскочил на работу, отдал кое-какие распоряжения и поехал на вокзал. Когда выходил из офиса, шёл к метро... Ему показалось, что какой-то человек с внешностью кавказца упорно идёт за ним следом. Он резко обернулся... но показавшийся ему подозрительным человек сел в другой вагон метро. Больше он его не видел ни на вокзале, ни в электричке и подумал, что просто показалось. А потом этот мимолётный эпизод совсем забылся, ибо случилось нечто, что перебило все остальные мысли.

Выйдя на своей станции, Сурин прошёл метров двести по посёлку, не доходя до своего дома, увидел возле качелей стайку девчонок среднего школьного возраста. От неё сразу отделилась и побежала к нему его дочка, двенадцатилетняя Иринка, румяная, круглощёкая, в топике и короткой юбочке.

– Папка... папка!! Ты что, приехал? А мы тебя только на-

завтра ждали! – дочь легко подпрыгнула и повисла у Сурина на шее, задрывав загорелыми ногами.

В семьях с разнополыми детьми обычно имеет место негласное разделение симпатий: дочь – любимица отца, сын – матери. У Суриных может не очень явно, но тоже прослеживалась эта тенденция. Если между отцом и сыном имели место довольно сдержанные, без лишней эмоциональности отношения, то дочь Сурин явно баловал, даже вступался, когда, по его мнению, мать чрезмерно притесняла "ребёнка". Напротив, ему казалось, что отношения матери и сына иногда приобретали чересчур панибратский, игривый характер.

– А я вот сегодня... сюрприз вам сделать решил, – Сурин ласково похлопал по попке висящую на нём дочь. – Ну, хвати, хватит... ты ж не пушинка, – он осторожно опустил явно потяжелевшую здесь от свежих молока, сметаны и клубники "вволю" девочку на землю.

Подружки, местные и такие же дачницы, с затаённой завистью наблюдали эту сцену. Далеко не каждая из них могла похвастаться таким отцом, молодцеватым, крепким, к тому же, что было известно из подслушанных разговоров старших, зарабатывающего хорошие деньги. О достатке новых дачников говорило то, что они купили по местным меркам довольно дорогой дом и иномарка главы семейства, на кото-

рой он изредка, в основном осенью приезжал, чтобы вывезти картошку и прочие плоды, выращенные на участке при том доме. Девчонки не мальчишки, насколько раньше они созревают, настолько же раньше начинают интересоваться материальными нюансами жизни.

– Мама дома? – спросил дочь Сурин.

– Дома, – светя улыбающейся мордашкой, ответила та.

– А Антон гуляет?

– Не... тоже дома. Мама его не пустила, за то, что вчера пришёл поздно. Она его жуков заставила с картошки собирать... Ну, я пошла, пап?

– Беги, – вновь легонько наподдал счастливо взвизгнувшую дочь Сурин.

Он прошёл в переулок, мимо огороженного старым штакетником своего участка, чтобы выйти к дому. Пригляделся к забору, остановился – сразу три штакетина рядом истлели от старости и провалились во внутрь.

– Эээх, забор пора менять. Чёрт, совсем нет времени, – Сурин стал пытаться вновь приладить выпавшие штакетины.

Пришлось их оторвать совсем, залезть через образовавшийся проём на участок, и уже оттуда нарвав травы привязать к продольным жердям. Прибивать эти гнилушки не имело смысла, всё равно, что пришивать гнилую материю. К дому Сурин пошёл уже с тыла, со стороны участка. Участок был в восемнадцать соток, и весь обработать, пока никак не

получалось. За кратковременные наезды в посеивную, в апреле-мае они успевали вскопать не более половины. А эта, задняя часть, куда он только что залез... здесь почти в человеческий рост вымахала трава. Сурин через эти заросли пошёл к дому, к срубам бани, и будке с крашеной чёрной бочкой на крыше – летнему душу. Оттуда слышались неразборчивые, но весьма звучные, возбуждённые голоса жены и сына – они ругались, вернее Лена ругала сына. Сурин подошёл поближе, но не вышел из травяного укрытия, даже пригнулся, чтобы его совсем не было видно – он хотел вот так, из-под тишка подглядеть, что за конфликт разгорелся у него в семье.

Они стояли друг против друга, четырнадцатилетний подросток уже вытянувшийся на метр семьдесят пять, худой, но не дохлый, мосластый, в отца, на нём широкие трусы-бермуды и майка, на голове бейсболка... Опустив голову, он выслушивал материнские нотации, изредка огрызаясь и смеряя её взглядом с ног до головы... Лена стояла спиной к корыту, в котором угадывалось бельё и мыльная вода. Она, видимо, стирала и чем-то возмущивший сын сейчас от этого занятия её оторвал. В жаркие дни Лена обычно ходила по дому и огороду в сплошном купальнике... У неё было два купальника, один раздельный, второй "рабочий", вот этот. Оба куплены уже довольно давно. Когда в первый их "дачный" год Сурин увидел на жене эти купальники, он выразил недовольство:

– Я что мало зарабатываю? Купи себе новый, современ-

ный, тем более эти тебе уже малы.

– А ты видел эти современные? Видел, какие там трусы... вся задница наружу. Во мода, раньше бабы грудь, плечи оголяли, а теперь задницы.

Лена выражала вполне понятное возмущение, ведь у неё были именно красивые плечи и грудь. Впрочем, Сурин считал, что и со всем, что ниже у жены всё в порядке, но Лена думала, что в заду она чрезмерно тяжела, а раз так...

– Ну, как я тут в таком выйду, тут же соседи всё больше старики и старухи, что скажут. Нет уж лучше я в старом, чем с голой задницей...

Сейчас Лена одела как раз в свой "рабочий" голубой с тёмными крапинками купальник. Она за что-то ругала сына, а тот... Сурин видел из своего укрытия то, что похоже не замечала Лена. Сын, когда поднимал глаза, задерживал взгляд на пышных бёдрах матери, на её груди, которая чуть не вываливалась из выреза купальника, на округлом животе, с явно проступающим пупком через тонкую материю...

– Никуда не пойдёшь, я тебе что говорила... пока всех колорадцев не соберёшь, из дома ни шагу! – Лена поправила белую шелковую косынку.

Антон вновь посмотрел теперь уже на поднятые к голове покрасневшие от загара полные руки матери, особенно визуално-нежные от локтей до плеч.

– Ну, мам... Я после обеда доделаю, я ребятам обещал, у

нас игра, – канючил сын, явно имея цель отпроситься на волейбольную площадку. В волейболе он был мастак, ибо уже второй год занимался в секции и обладал очень сильной подачей. Он рос от природы резким, взрывным.

– После обеда тут уже вся ботва будет сожрана. Не понимаешь что ли? Вон их сколько и новые кладки делают. Если их сейчас не передавить, без картошки останемся...

Конечно, семья Суриных и без этой картошки с голоду не померла бы, но уж больно жалко трудов по вспашке делянки, посадке и окучиванию, да к тому же Лена, по всему, за что-то сильно разозлилась на любимого сына, и вот таким образом решила его наказать, не пустить гулять. Сурин, не выходя из своего укрытия, смотрел, чем же кончится эта перебранка, сумеет Лена настоять на своём, или нет. Он уже не раз выговаривал жене за то, что много позволяет сыну, а тот этим пользуется, начинает относиться к ней не как к матери, а как к подруге. Но помощи Лена у него ещё ни разу не попросила, напротив, утверждала, что с собственным сыном всегда сумеет справиться, если потребуется, то и налупит... Видимо именно это сейчас и собиралась сделать Лена. Она схватила сына за руку и попыталась потащить к делянке. Но Антон упёрся ногами и не сдвинулся с места. Отчаявшись, Лена несколько раз ударила его по спине, но, похоже, ей стало больнее чем ему, во всяком случае, она сморщилась, и потрясла ладонью, которой била.

– Если сейчас же не пойдёшь работать, я возьму отцовский ремень и напорю тебе задницу!

– Ну, мам... ну мне обязательно надо, я же обещал...

– Лена, красная лицом от гнева, и прочими обнажёнными частями своего тела от загара, сотрясая оными, поспешила в дом... оттуда уже появилась с широким армейским ремнём от портупей Сурина.

"Хоть бы платье одела, или брюки какие", – недовольно подумал Сурин, следя за развитием событий. Но Лена не обращала внимания на свой явно не "бойцовский" наряд, собираясь лупить сына, будто он совсем маленький шкода, а не парень хоть и значительно легче её, но в то же время выше ростом и шире в плечах.

Антон не стал ждать, когда его начнут бить. Едва мать замахнулась, он отскочил в сторону, она за ним, он опять отскочил и, наконец, побежал... побежал весело смеясь. Что-то в подсмотренной сцене Сурина насторожило. Создавалось впечатление, что сын играет с матерью в какую-то игру, и, что самое удивительное, та эту игру приняла. Побегав вокруг гостевого дома и, так и не догнав сына, она уже и злилась как-то через смех:

– Стой паршивец!... Я тебе что сказала!?... Стой... поймаю хуже будет!

Потом Антон явно поддался, дал себя догнать, но мать только раз успела ожечь его ремнём по руке. В следующее

мгновение он уже поймал конец ремня, и началось "перетягивание каната", причём шестидесятикилограммовый сын явно перетягивал восьмидесятикилограммовую мать.

– Пусти... отдай... я тебе что сказала!? – изо всех сил, двумя руками пыталась вырвать ремень Лена, который сын удерживал одной.

Но когда Антон выпустил ремень, Лена едва не упала... На этот раз она разозлилась по настоящему, и сын, наконец, тоже по настоящему испугался и хотел спрятаться в будку летнего душа, закрыв за собой дверь, но не закрыл... Мать успела поставить на порог свою ногу, и Антон не решился её прищемить... Беглецу некуда было деться...

Что происходило там, Сурин уже не видел, так как находился от будки сзади и сбоку. Но то, что места для двоих там мало, осознавал. Сначала слышались шлепки – Лена лупила сына, потом... Потом послышалась какая-то возня, от которой сотрясались дощатые стенки будки, потом как будто всё стихло... Сурин ничего не понимал... Наконец, послышался голос Лены:

– Пусти... пусти сейчас же... мне же больно!

Потом опять шлепки, но уже не ремнём, а как будто рукой... и из кабинки вылетел красный как рак Антон с ремнём в руке. Он добежал до бани и бросил ремень за поленницу дров и тут же побежал к картофельной делянке и начал энергично обирать с ботвы жуков. Лена вышла из будки

где-то полминуты спустя, поправляя сбившуюся косынку и купальник, на щеках пылал яркий румянец. Она подошла к смиренно работавшему сыну и с минуту, что-то строго ему выговаривала. Антон разогнулся и с виноватым видом пошёл к поленнице, достал ремень и принёс, подал матери. Та неловко, по-бабьи замахнулась... но не ударила, а погрозила, и снова что-то стала говорить... Антон опять приступил к работе, а Лена продолжала стоять рядом и читать нотации. Убедившись в уже полной покорности сына, она вернулась к своему корыту...

3

Исмаил окончательно разочаровался в лидерах чеченского освободительного движения, когда началась вторая война с русскими. После Хасавьюрта, когда федералы с позором ушли из Чечни и, казалось, свершились чаяния многих поколений чеченцев... Исмаил тоже пребывал в эйфории. У него даже не возникало естественной для чеченца мысли о мести за семью, хоть он и знал фамилию и звание командира солдат, которые "зачищали" его село в девяносто шестом. Гостивший тогда в их доме младший брат жены Султан за чем-то стал стрелять по солдатам с чердака. Братья жены вообще были крайне несдержанны, в общем, настоящие чеченцы. Солдаты, конечно, ответили на огонь "всеми имеющимися средствами" и из-за этого сумасшедшего мальчишки погибли все, жена, отец и мать Исмаила. Спасибо Аллаху, что у них с женой ещё не было детей.

В момент той трагедии Исмаил с полной боевой выкладкой совершал марш с гор на равнину, где накапливались отряды боевиков, чтобы штурмовать Грозный. Кто виноват в случившемся? Как человек разумный, инженер, выпускник нефтяного института, Исмаил понимал, прежде всего, спровоцировавший солдат Султан, как чеченец он должен был обвинять русских собак. Узнать имена конкретных убийц

оказалось невозможно, но их командира... Его имя узнали родственники жены. Они тоже хотели его выследить и отомстить ещё в ходе войны. Тогда это было возможно – нищие русские офицеры и прапорщики не только продавали оружие своим врагам, находились и такие кто продавали и своих подчинённых... командиров, товарищей. Нищета очень часто бывает движущей силой подлости. Но тут случился Хасавюрт и война кончилась. Искать того майора, ехать в Россию? Исмаил не поехал, и не потому, что простил, просто он посчитал, что инженер-нефтяник куда нужнее в новой, независимой Ичкерии. Ведь столько работы, надо восстанавливать промыслы, нефтеперегонные заводы, нужно добывать нефть, получать из неё бензин, керосин, мазут... продавать всё это, чтобы иметь средства для восстановления разрушенной родины, чтобы превратить Чечню во второй Кувейт, Эмираты...

Увы, его ожидания не оправдались. Все три года независимости никто ничего не строил, не восстанавливал, кроме частных особняков вновь образовавшейся чеченской знати. А нефть добывалась и перегонялась на кустарных заводах не ради общенационального благоденствия, а той же вновь народившейся знатью, полевыми командирами и доходы шли им в карман. По всей Чечне ездили на джипах и грузовиках вооружённые банды, издевались над не успевшими убежать русскими, не щадили и "худородных" чеченцев, иногда стал-

кивались в кровавых схватках между собой. Но работать... работать мало кто работал.

Одним из таких немногих был Исмаил. Он поработал у одного, второго "атамана"... конструировал и собирал миниперегонные нефтезаводики. Но он происходил из малочисленного, бедного, "худородного" тейпа, потому к нему и относились почти как к рабу, платили гроши. Когда Басаев затеял свой рейд в Дагестан, Исмаил окончательно осознал то, о чём подозревал уже давно. Что во главе святого дела стоят в лучшем случае авантюристы, а в худшем обыкновенные бандиты. Он сразу понял, что грядет новая война. Эти безответственные уроды, оказавшись на вершине власти, совершенно не дорожили миром, столь необходимым Чечне, нужным чтобы встать на ноги, укрепиться, заявить о себе в мировом сообществе, заявить не зверствами и отрезанными головами. Исмаил считал себя цивилизованным человеком и потому был готов отказаться от мщения за семью. Ведь жизнь его близких, как и десятков тысяч других погибших чеченцев, это плата, жертва Аллаху за независимость. Но почему... неужто этих жертв мало? О Аллах, почему ты, даровав чеченцам победу, не даровал ни одного достойного, мудрого правителя? Разве такие лидеры нужны народу, который два века борется за независимость?

Не захотел Исмаил вновь идти под командование этих, или недалёких, или звероподобных людей, так бездарно рас-

транжиривших плоды великой победы девяносто шестого года, тот великий шанс, растоптавших великую мечту, за которую отдали жизни столько чеченцев и в этом и в прошлом веке, а теперь ещё отдадут и в веке грядущем. Он успел выехать до вступления федералов, сначала в Кабарду, где сел на поезд Нальчик-Москва...

В Москве ему не к кому было обратиться кроме Вахи, второго брата погибшей жены. Он не хотел с ним связываться, но ничего другого не оставалось. Ваха тоже был в Москве не "тузом", а шестёркой, работал у богатых московских чеченцев, занимавшихся перегонном и торговлей иномарками. Туда же устроился и Исмаил рядовым шофёром, перегонять машины из Германии в салон-магазин, который держали те самые чеченцы. Именно во время одного из этих перегонов Исмаилу удалось отличиться. И в школе, и в институте он хорошо успевал по немецкому языку. Среди же родственников хозяина фирмы, составлявших руководство, преобладали либо люди без образования, либо с "купленными" дипломами. Это обстоятельство и способствовало тому, что Исмаила в конце концов повысили из рядовых шоферов в менеджеры. У него появилась возможность снять квартиру, нормально одеться... Во сне он иногда видел родителей. Но со временем их лица отдалились, изгладились. А вот жену он помнил до ярчайших подробностей. Почему жену? Наверное, всё-таки он не такой чеченец как большинство. Впрочем, ему об этом постоянно напоминали с самого детства. Не

джигит... тебе бы женщиной родиться. Зато умный, – обычно отвечал отец, когда его чрезмерно доставали за слишком уж тихого сына, за то, что не играет в дикие игры с ребятами, за то, что любит читать книжки, сидеть за уроками...

Ваха, старший брат жены, напротив, стопроцентный "джигит". В узком кругу он часто хвастал, как славно повоевал в первую войну, сколько русских отправил к их Богу. Почему не пошёл воевать в девяносто девятом? От таких вопросов он под различными предлогами уходил. Впрочем, догадаться было нетрудно, хоть и злобен Ваха, но не дурак, и перегонять машины ему нравилось куда больше, чем рисковать жизнью в горах. Может, потому он и проявил такую энергию в поисках виновного в смерти сестры и брата, чтобы иметь веское оправдание пребыванию в Москве. В Москве Ваха попутно скорешился с чеченскими уголовниками, стерегущими бизнес своих земляков и заодно стригущими дань с ряда московских фирм и банков. Ваха тоже участвовал в их "акциях". Одновременно с помощью московских чеченцев он продолжал поиски, и вот...

Ваха заглянул в офис к Исмаилу и с важным видом предупредил, что вечером зайдёт к нему на квартиру... Вечером Исмаил встретил родственника внешне приветливо, они сели за стол, выпили, и тут Ваха заговорил резко, вызывающе: – Ты собираешься за семью мстить, или нет!?

– Как мстить... откуда мне знать, где тот майор? Он сейчас поди воюет. Может, и в живых нет его!? – растерянно отвечал Исмаил, предчувствуя, что Ваха не просто так зашёл к нему.

– А ты и рад... надеешься, что другие убьют!? Ты хоть пробовал его искать? Какой ты чеченец, если зло оставляешь безнаказанным, – уже слегка захмелевший Ваха с ненавистью сверлил взглядом Исмаила. – А я вот не успокоюсь, пока ему глотку не перережу. Ты зря надеешься, что он подох. Жив он... здесь в Москве. Я ж не ты... Но и ты не отвертишься, вместе мстить будем.

– Как в Москве... где? – услышав новость, Исмаил сразу как будто съёжился.

– Мы выяснили, где он работает, где живёт. По выходным он из Москвы уезжает за город, там фазенда у него. Сука, разбогател тут. Мстить будем как положено, во имя Аллаха и лучше не в Москве. Твоя задача проследить за ним, когда он на эту свою дачу поедет, выяснить, где она у него, сколько человек в семье... Понял?

Исмаилу показали бывшего майора Сурина – он на своей "Тойоте" возвращался с работы. Исмаил должен был выждать момент, когда тот отправится на дачу. Хозяин, с пониманием отнёсся к просьбе своего менеджера об отпуске – он тоже считал кровную месть высшим из всех человеческих законов. Зная, когда по утрам Сурин выходит из свое-

го подъезда, Исмаил следил за ним из одолженных для такого дела неприметных "Жигулей". Первый раз он проморгал его отъезд за город, так как не сомневался, что тот поедет на машине, и он "сядет" ему на хвост. Но Сурин поехал сначала на работу, а оттуда, почему-то оставив машину, пошёл прямо в метро, и пока Исмаил выскакивал из-за руля и бежал следом, "объекта наблюдения" на перроне уже не оказалось... По тому, что Сурин отсутствовал два дня, причем выходных, Исмаил осознал свою промашку и в следующий раз преследовал его уже пешком, правда, это случилось почему-то в пятницу.

Исмаил очень опасался, что майор заметит слежку, и был крайне осторожен, не садился с ним в один вагон ни в метро, ни в электричке. К счастью майор смотрелся явно чем-то озабоченным и не особенно часто оглядывался. Привычка выслеживать дичь в горах помогла – Исмаил остался незамеченным. Когда приехали в посёлок, опасность, что на него станут обращать внимание, как на "лицо кавказской национальности", резко возросла. Выяснить в какой дом пойдёт Сурин, тоже оказалось сложно, ибо тот сначала минут пять таскал повисшую на его шее девчонку, видимо свою дочку, потом чинил забор и пошёл к дому с тыла. Как только Исмаил убедился, какой именно его дом, он развернулся и поспешил на станцию, чтобы вернуться в Москву – в электричке он чувствовал себя спокойнее, ибо там постоянно ездили кавказцы-торговцы

Сурин в состоянии "смятения мыслей" просидел в своём травяном укрытии ещё некоторое время и только тогда, буд-то только пришёл, предстал перед женой и сыном. Радость Лены, вызванная его неожиданным появлением, тут же сменилась разочарованием, когда она узнала, что он уже завтра должен уехать для заступления на дежурство с субботы на воскресенье. В то же время жена вела себя так, будто ничего особенного за десять минут до того не произошло, впрочем, так же как и сын, который лишь поздоровался, продолжая работать на "плантации". На вопрос: как дела, что нового? Лена лишь отмахнулась:

– Да что тут может быть нового... ничего, мы вот работаем, а Ирка гуляет. Небось, видел её?

Так и эдак Сурин пытался "подвигнуть" жену к объяснению, но та, похоже, была совершенно искренна, вела себя, как ни в чём не бывало. Она сначала накормила мужа с дороги, потом пошла заканчивать стирку. Спросить в лоб: что за странные игры затеяла она с сыном, и что там случилось... в душевой? На это он почему-то так и не решился, хотя только об этом и думал.

Поев, Сурин пошёл пилить и колоть дрова, ибо получа-

лось так, что еженедельный субботне-банный день переносился на сегодня, пятницу. Сын терпеливо и безропотно собирал жуков, а Лена постирав, вывесила бельё. Ближе к обеду Сурин всё же задал "наводящий" вопрос:

– А Антошка, что сегодня смиренный такой, пашет, спины не разгибая, даже не возмущается?

– Возмущался, ещё как, с ребятами в волейбол, видите ли он договорился. Моду взял каждый день там пропадает. Ремнём по заднице получил и перестал возмущаться, – совершенно спокойно ответила Лена.

"Ничего себе, это называется получил, только не понятно кто кого там... по заднице", – размышлял про себя Сурин, не в состоянии понять почему жена скрывает от него случившееся и ещё больше удивляясь её не показному спокойствию. "Может она боится признаться, что уже не справляется с сыном? Но нет, непохоже. Неужто считает, что он ничего не должен знать? Странно..."

На обед вся семья собралась в саду за столом, установленном под раскидистой старой яблоней. Дети старались как можно скорей проглотить пищу: Иринка спешила к подружкам, с которыми они договорились идти купаться на пруд, а Антон надеялся, что его, наконец, отпустят на волейбольную площадку. Лене эта спешка не нравилась. Она уже облачённая в халат и фартук недовольно выговаривала дочери:

– Какое купание... не видишь, дождь собирается.

– Какой дождь, с самого утра такая погода, – плаксиво возражала Иринка, давясь салатом из редиски и лука.

– Знаю я эти ваши купания. Перед мальчишками будете выделяться. Рано ещё в купальниках дефилировать.

– Ты что, мам, мы ж просто... жарко ведь, – густо покраснела дочь.

– А ты, что колорадцев уже всех собрал? – мать перекинулась на сына.

– Нее... не успел... Их же там на каждом кусту, и чуть не под каждым листом кладки. Вон у меня все руки от них жёлтые, не отмыть, – виновато запричитал Антон.

– А кто заканчивать будет... Пушкин, что ли?!

– Да ладно Лен. Я баню затоплю, и пока топится, по рядам пройду. Там же немного осталось? – пришёл на помощь сыну Сурин.

– Да пап... немного, четыре ряда всего. Я покажу, где закончил, – затараторил Антон, благодарно заглядывая отцу в глаза.

После обеда дети как можно быстрее покинули дом, опасаясь ухудшения настроения матери. Они не были лентяями, они были детьми, а почти все дети до поры не любят домашней работы, даже те, из которых потом вырастают настоящие "пахари". Сурин надеялся, что жена станет откровеннее, когда детей дома не будет. Но Лена как будто напрочь забыла о произошедшем утром. Она по-прежнему вела себя есте-

ственно, помыла посуду, промела дом, и вновь в купальнике вышла к мужу на картофельную делянку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.